

УДК 343.13(091)
ББК 67.410.204.0

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.А. Соловьева

В статье дается историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве. Рассматриваются уголовно-процессуальные источники, раскрывающие значение признания вины как вида доказательств и как условия принятия соответствующих процессуальных решений.

Ключевые слова: *признание вины, состязательный процесс, розыскная форма процесса, показания, отказ от признания, формальные доказательства.*

Признание вины в совершении преступления во все времена и эпохи исторического развития уголовного процесса России сохраняло значение особого по силе доказательства. В русском уголовном процессе ему, как уголовно-процессуальному доказательству, присваивалось приоритетное положение в числе других доказательств, что предопределялось, не в последнюю очередь, особенностями национального менталитета русского народа, который оказывал свое влияние и на это правовое явление.

Крупнейшим и важнейшим памятником права Древнерусского государства является Русская правда, которая оригинально трактует понятие преступления: преступно только то, что причиняет непосредственный ущерб конкретному человеку, его личности или имуществу. Отсюда и термин для обозначения преступления – «обида». Русская правда предусматривала sacramентальную систему доказательств. Среди них важное место занимают показания свидетелей (видоки и послухи). «Если кто без явки на торгу отыщет что-либо у него пропавшее или украденное, коня, одежду или скотину, то нельзя сказать “это мое”, а надо заявить ответчику – “Иди на очную

ставку, объяви, у кого он взял, с тем и встань с очей на очи”. Кто не оправдается, на того и падет ответственность за воровство; тогда истец возьмет свое, а виновный ему платит и за то, что тот потерпел вследствие пропажи» (ст. 35 пространной редакции по первому Троицкому списку). Таким образом, в рассматриваемом нормативном акте впервые стало придаваться официальное значение сознанию лицом своей вины. Подобное признание лицом своей вины освобождало истца от дальнейшего расследования, и виновный, представленный судьей, сразу же подвергался наказанию [31, с. 51].

Характерно, что и в применении свидетельских показаний появляется элемент формализма. Так, по некоторым уголовным делам требовалось определенное число свидетелей (например, два свидетеля при оскорблении действием). Появляется и целая система формальных доказательств – ордалий.

Следующими дошедшими до нас памятниками древнерусского права стали Новгородская и Псковская судные грамоты. Но, как известно, Новгородская судная грамота дошла до нас не целиком, а сохранился лишь отрывок, содержащий 42 статьи. Псковская судная грамота, в отличие от Новгородской судной грамоты, сохранилась полностью. В данном контексте считаю уместным привести слова Александра Куницына, согласно которым «история России начинается повество-

ванием о междоусобиях Славян, обитавших на севере, о пришествии князей Варяжских на берега Ладоги и Ильмена, об установлении там монархии на место прежней демократии; там же являются и первые писанные законы, а не в другом каком-либо Княжестве; следовательно, историю не только судопроизводства, но и других частей Права должно начинать изъяснением древних установлений Новгородской области» [8, с. 3].

В Новгороде и Пскове продолжал существовать состязательный процесс. Вместе с тем развивается и следственная, *розыскная форма процесса*. Как и в Киевской Руси, в феодальных республиках имелся институт досудебной подготовки дела – свод. Много места в законе уделено доказательствам. Псковская судная грамота упоминает собственное признание, говоря о споре по договору займа. Однако на практике оно употреблялось и по уголовным делам. Так, «судебные доказательства по законам Новгородским были: 1) собственное признание обвиняемого, или ответчика; 2) свидетели или письменные документы; 3) присяга» [там же, с. 102]. На данном историческом этапе признание обвиняемым своей вины имело решающее значение для вынесения приговора. Признание обвиняемого считалось «лучшим доказательством всего света». По словам Н. Ланге, «в судебных же делах добровольное сознание на допросе принималось за полное доказательство вины подсудимого. Вообще, по судным делам было поставлено за правило: “кто в чем скажет виноват, то на нем взяти, а в достали суд и правда и крестное целование”» [9, с. 190]. Данная правовая норма свидетельствует о том, что если в ходе проверки заявления потерпевшего о грабеже и нанесении ему побоев ответчик подтверждает факт нанесения побоев, но не признается в совершении грабежа, то тогда ответчика признают виновным по факту нанесения побоев и выносятся обвинительный приговор. Что же касается эпизода грабежа, в котором ответчик не признается, то здесь закон обязывал проводить судебное разбирательство в обычном порядке. Признание обвиняемого в совершении одного преступления одновременно не влекло за собой обвинения и по другим вменяемым ему преступлениям.

В целях централизации государства, все большего подчинения мест власти московского князя, издавались уставные грамоты наместничьего управления. Наиболее ранними уставными грамотами были Двинская и Белозерская. Но самым значительным памятником права был Судебник 1497 года. Судебник трактовал понятие преступления отлично от Русской правды. Под преступлением понимались всякие действия, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу в целом и поэтому запрещались законом. Преступление теперь именуется «лихим делом».

Процесс характеризовался развитием более новой формы судопроизводства – розыска, наряду со все еще действовавшим обвинительным процессом. Несколько изменилась система доказательства. Доказательством признавалось также поле – судебный поединок. Победивший в бою считался правым, то есть выигрывал дело. Проигравшим признавался и не явившийся на поединок или сбежавший с него. На поле можно было выставить наймита. В XV в. применение поля все больше ограничивалось и в XVI в. постепенно сошло на нет. Доказательством по-прежнему считалась и присяга.

Розыск отличался от состязательного процесса тем, что суд сам возбуждал, вел и завершал дело по собственной инициативе и исключительно по своему усмотрению. «Каноническое право и каноническая юстиция оставили в наследство новому судебному праву и государственной светской юстиции тот колоссальный тип уголовного судопроизводства, который известен в истории права под именем инквизиционного процесса страшной и печальной памяти. Он победоносно вытеснил и разбил на всех пунктах старое обвинительное начало. Исключительная деятельность, отсутствие прав сторон, полная письменность и глубокая канцелярская тайна процедуры, формализм и медленность, глубокое признание к личности – вот выдающиеся черты этого процесса» [12, с. 818]. И главное изменение по сравнению с предшествующей обвинительной формой – несознающийся обвиняемый подвергался пытке. Функции обвинения, защиты и разрешения дела были слиты в одно лице. Суд исходил из презумпции виновности обвиняемого. «Во времена инкви-

зиции получение признания обвиняемого рассматривалось как кратчайший путь к истине. Признание добывалось с помощью пыток и было достаточным для вынесения обвинительного приговора даже без его подтверждения другими доказательствами» [14, с. 24]. Суд был связан при оценке доказательств формальными правилами, в основе которых лежали приблизительные обобщения, житейские наблюдения (например, невиновный никогда не станет изобличать самого себя), а также религиозные заблуждения и классовые интересы.

Организация инквизиционного процесса заведомо была ориентирована на придание особого значения признанию вины. К этому, в частности, вела формальная система доказательств, имманентно присущая розыскному типу.

В законодательстве определялись значение и сила конкретных доказательств, которые делились на совершенные и несовершенные, полные и неполные.

До конца XVI в. собственное признание не было необходимым доказательством, хотя пытка применялась и раньше, главным образом с целью добиться оговора соучастников. С конца XVI в. пытка сделалась главным средством розыска и практикуется широко и в различных видах [30, с. 670]. Пыткою назывались различные средства мучения, которыми вынуждалось у обвиняемых признание в том случае, когда они не давали его добровольно.

Историки отмечали, что нельзя утвердительно указать точного времени, с которого пытки стали применяться для получения от обвиняемого признания своей вины. «Знаем, что пытка употреблялась в период уделов, но нет сомнения, что она употреблялась в чрезвычайных случаях, а не в обыкновенных случаях судопроизводства» [11, с. 77].

Использование пытки как средства получения доказательства предусматривалось в Судебнике Иоанна III. В период правления Иоанна IV, как видно из источников, она считалась важнейшим средством доказывания тяжких преступлений. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что основание и порядок применения пыток достаточно подробно регламентировались правовыми актами того времени. Так, в Уставной книге Разбойного приказа встречаем много правил о

пытке, которые повторяются в Уложении и в Новоуказных статьях [11, с. 78]. В 1673 г. в России вышел указ, регламентировавший порядок проведения пытки. Этот указ предусматривал трехкратную пытку огнем и кнутом (на дыбе) и устанавливал норму ударов – последовательно 80, 120 и 150 при каждой пытке [18, с. 446].

Свое качество основного доказательства признание обвиняемым своей вины приобрело в Соборном уложении 1649 года. Судьи добивались сознания, необходимого для того, чтобы обвиняемый подвергся полному наказанию. При непризнании или при подозрении в других преступлениях обвиняемого подвергали пытке.

Соборное уложение – крупнейший памятник средневекового права России. Как и в прежних законах, ведущее место в Уложении занимают вопросы уголовного права и процесса. В то же время все еще отсутствовало четкое разграничение между гражданско-процессуальным и уголовно-процессуальным правом. Приведем в пример ст. 8: «А приведут татя, а доведут до него одну татьбу, а он в той татьбе в распросе без пытки повинится, и его спрашивать накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать, и посадить его в тюрьму на две недели; и будет в тех двух неделях будут на него в иных татьбах челобитчики с явными уликами, и его по тем уликам в иных татьбах пытать по Уложению. А будет в тех двух неделях в иных татьбах челобитья с явными уликами на него ни от кого не будет, и ему за первую татьбу учинить наказание, бить кнутом и отсечь два пальца меньшие у левой руки, и освободить с порукою, что ему впредь не воровать» [13, с. 398]. Данная норма определяет порядок получения признания от обвиняемого.

В Уложении по тем особым делам, которые были в ведении губных старост, почти не требовалось добровольного признания человека, над которым производилось исследование. На основании главных для того времени поводов к начатию следствия, то есть «права в татьбах и в разбоях с поличным, оговора язычною молкою и обихования в обыске» (Ул. гл. XXI), подсудимого немедленно подвергали пытке. Таким образом, по Уложению добровольное признание было принадлеж-

ностью обвинительного, а не следственного судопроизводства, то есть когда «истцы били челом в татьбах и разбоях, именно без личного без язычной молки и неполихованным обыскам, ибо тогда жалоба их не рассматривалась в Разбойном приказе, а в судных» (Ул. т. XXI, ст. 49). По всем делам, производимым обвинительным порядком, куда по Уложению относились также бой и грабеж, признание считалось полным доказательством, и потому с ответчика, учинившего признание не во всем иске, взыскивалось то, в чем признался (Ул. т. X, 136; XI, 26; XX, 93) [11, с. 76].

Общая тенденция развития процессуального законодательства и судебной практики предшествующих веков – постепенное увеличение удельного веса розыска в ущерб так называемому суду, то есть замена «обвинительного процесса, как формальной состязательности, где спор происходит, но значение имеют лишь внешние и, по существу, посторонние для дела факторы (физическая сила и выносливость соперников, случай, соблюдение обрядности, формы)» [22, с. 32], следственным, инквизиционным привела к полной победе розыска в начале правления Петра I. Таким образом, Петр I рядом законодательных актов еще более усилил публично-розыскную направленность русского уголовного процесса. Он многое заимствовал из германского права, в частности ввел правила о предустановленной силе доказательств и учредил фискалов, а в 1722 г. – прокуроров, надзирающих за рассмотрением уголовных дел в судах. М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что «до Петра Великого вообще надо признать еще состязательные формы процесса общим явлением, а следственные – исключением» [5, с. 640]. Иного мнения придерживался С.В. Юшков. По его словам, в это время только «менее важные уголовные и гражданские дела... рассматривались в порядке обвинительного процесса, то есть так называемого суда» [32, с. 303]. На наш взгляд, розыскная форма процесса до Петра I не была еще преобладающей, но при этом нельзя сказать, что она была исключением. Исследователи полагают, что к этому времени «старинный суд был уже настоящим анахронизмом... его тяжелые повинности и обряды были притоном для нескончаемых ябед. С другой стороны,

розыск, предающий человека в жертву государственным целям, был грубым, полицейским произволом» [23, с. 19]. В уголовном процессе при Петре I на первое место закон ставит собственное признание обвиняемого. «Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнего доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света». Тем не менее важно отметить, что законодатель того времени указывал и условия, при которых сознание является совершенным доказательством: оно должно быть добровольным, сделанным перед судьей, и содержать существенные и полные обстоятельства совершения преступления. Однако сам законодатель, а тем более практика допускали очень широкое применение пытки для получения «добровольного» сознания [30, с. 710]. Приведенные положения, изложенные в «Кратком изображении процессов...», достаточно долго сохраняя свою обязательную силу, получили свое развитие в направлении некоторого сдерживания органов уголовного преследования от неоправданных (в реалиях того времени) пыток. Исследователи писали: «Из изменений, сделанных впоследствии по сему предмету, замечательных только два: первое сделано указом 1775 Апр. 28 (14309), по которому не велено домогаться признания от подсудимого, когда другие обстоятельства изобличают вину его; в нем сказано: “где есть к доказательству подсудимого довольные причины, изъясняющие его преступление, то нет тут ни малой нужды употреблять истязания и домогаться от подсудимого того, в чем по делу настоящие причины открыли вину его”» [11, с. 76]. «Сила сего указа подтверждена указом 1825 Окт. 27 (30563). Второе основано на указе 1802 Апр. 28 (20250), по которому по делам о смертоубийстве, не ограничиваясь одним показанием подсудимого, велено исследовать все подробности преступления» [там же, с. 77].

Переход к абсолютизму ознаменовался проведением административной и судебноправовой реформы, направленной на централизацию государственной власти и управления. Потому ужесточение репрессии, свойственное переходу к абсолютизму, отразилось и на процессуальном праве: суд был призван

стать быстрым и решительным орудием в руках государства для пресечения всякого рода попыток нарушить установленный порядок.

Таким образом, в начале своего царствования Петр I совершает решительный поворот в сторону розыска. Именным указом от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе иных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» (см.: [18, с. 397–399]) полностью отменяется состязательный процесс с заменой его по всем делам следственным, инквизиционным процессом. Данный указ был дополнен и развит «Кратким изображением процессов или судебных тяжб». «Краткое изображение процессов...», основываясь на принципах указа 1697 г., развивает их применительно к военной юстиции, военному судопроизводству, являясь, таким образом, специальным законом по отношению к общему закону. По словам М.Ф. Владимирского-Буданова, в «Кратком изображении процессов...» «нашло себе место полное применение понятия следственного (инквизиционного) процесса...» [5, с. 640].

«Краткое изображение процессов...» посвящено почти целиком вопросам судостроительства. Отделение процессуального права от материального – большое достижение русской законодательной техники начала XVIII в., не известное еще Соборному уложению. «Собственное признание определено с точностью в “Кратком изображении процессов”, постановление этого узаконения об этом предмете следующее: собственное признание приостанавливает отыскание других доказательств по тому уложению, что собственное признание есть лучшее доказательство всего света. Но для того, чтобы собственное признание обвиняемого приобретало особое правовое значение, его получение должно было сопровождаться соблюдением определенных условий [11, с. 77].

Новый шаг в развитии процессуального права был сделан Екатериной II. Создав сложную, но достаточно четкую систему сословных судов, Екатерина тщательно регламентировала формы их деятельности. Более четко намечается отделение гражданского судопроизводства от уголовного. Екатерининская су-

дебная система, которая сохранилась вплоть до судебной реформы 1864 г., предусматривала собственное признание «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316 третьего издания Свода законов, т. XV, ч. II, 1857) [30, с. 740]. При этом способом получения признания обвиняемым своей вины оставались пытки. Историки отмечали их жестокость. Так, описание применения пыток по материалам следственного дела в отношении одного из кабинет-министров Анны Иоанновны, зачитанным в присутствии Екатерины, повергло в обморок графа Никиту Панина, отличавшегося добротой и чувствительностью (см.: [28, с. 257–258]). М.В. Духовской писал, что несмотря на то что официально пытка была отменена в 1801 г., ее применение в уголовном судопроизводстве имело место вплоть до первой половины XIX века [6, с. 207].

К началу XIX в. неразбериха в законодательстве дошла до предела. Она же была одной из причин беспорядков и хаоса, царившего в судах. При Александре I уже в 1801 г. была учреждена очередная Комиссия по составлению законов, которая проделала значительную подготовительную работу. Но лишь при Николае I удалось развернуть и завершить систематизацию российского законодательства.

Сначала было создано Полное собрание законов (ПСЗ), а затем был разработан Свод законов Российской империи, в котором уже были исключены недействующие нормы и устранены противоречия. Если ПСЗ строилось по хронологическому принципу, то, в отличие от него, в Своде законов Российской империи был применен отраслевой принцип. Тем не менее и после издания Свода законов Российской империи 1832 г., и последующих его изменений в 1842 и 1857 гг., русский дореформенный процесс оставался в своей основе инквизиционным. Следствие распадалось на предварительное и окончательное, или формальное. Примечательно, что в соответствии с нормами Свода законов на суд возлагалась обязанность «склонять обвиняемого к признанию». Н.Н. Розин отмечал, что под общим влиянием нравов своей эпохи, увлекаясь напряженной борьбой с преступностью, далекое от признания личности и его прав, розыскное судопроизводство не останавливалось ни пред какими средствами, чтобы побудить обвиня-

емого сознаться в совершенном им преступном деянии. Главнейшим средством для этого в свое время служила пытка. Процессуалисты той эпохи не задумывались над мыслью о том, что данное под пытку сознание не имеет никакой цены и что инстинктивное стремление избавиться от физических страданий может понудить человека сознаться в несуществующей и даже невозможной вине [17, с. 56].

Вскрывалась природа такого рода признания обвиняемым своей вины. «Признание есть заявление стороны против своих интересов, открытие своей вины словами, прямой или даже безмолвный отказ от оспаривания неблагоприятного для подсудимого показания» [27, с. 122]. При наличии признания подсудимым своей вины суд избавлялся от необходимости руководствоваться другими доказательствами. «Хотя в законе говорилось, что показание должно быть добровольно, и запрещалось чинить пристрастные допросы, истязания, жестокости, но прибавлялось, что надлежит приводить обвиняемого к сознанию увещеваниями и уликами» [6, с. 206]. Вместе с тем Свод законов Российской империи 1832 г. содержал нормы, при которых сделанное признание не могло считаться доказательством. Так, в соответствии со ст. 1187 «признание, учиненное вне суда, почиталось недействительным» [20, с. 232]. Русский ученый-правовед Я.И. Баршев писал: «Собственное признание составляет полноценное и совершенное доказательство только тогда, когда оно заключает в себе все внутренние и внешние условия и принадлежности его ценности. Поэтому при недостатке того или другого из них должна ослабевать сила и действие его; впрочем, недостаток полной силы не значит еще совершенной бесценности его, напротив, при этом должно быть определено, сколь много или мало оно теряет силы по свойству недостающего в нем условия. Если в нем нет условий внутреннего его достоинства, то тогда, конечно, оно лишается всей силы доказательства и в высшей мере могут иметь силу только улики, напротив, недостаток в нем других каких-либо, в особенности нормальных, качеств и условий отнимает у него только полную силу, которая, впрочем, во многих случаях может быть восполнена посредством ис-

правления недостатка в формальности и посредством пользования другими источниками для открытия истины. Впрочем и без сего, по свойству каждого случая, оно доставляет большую или меньшую вероятность» [1, с. 202].

Важно отметить, что обвиняемый, признавшийся в совершении преступления, мог впоследствии отказаться от сделанного ранее признания. При этом такой отказ должен быть мотивирован самим обвиняемым, то есть на него возлагалось бремя доказывания обоснованности отказа от признания вины. «Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности» [16, с. 87].

Судебные реформы 1864 г. устранили инквизиционный порядок расследования преступлений, лишив полицию и жандармерию права проведения следственных действий и несанкционированных арестов. В России был введен так называемый смешанный уголовный процесс, который характеризовался следующими признаками:

- «комбинацией принципов обвинительного и розыскного процесса, где предварительное следствие строилось по типу розыскного процесса, а судебное рассмотрение дела — по типу обвинительного;
- маскировкой классового характера процесса формальным принципом равенства всех перед законом;
- отделением судебных функций от обвинительных и сосредоточением последних в государственной прокуратуре;
- апелляционным и кассационным порядком обжалования;
- свободой суда в допущении и оценке доказательств» [7, с. 95].

Важное значение имело определение правил оценки доказательств, которые не потеряли своей актуальности, во многом определив развитие доказательственного права. Так, ст. 766 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. гласила: «Судьи должны определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на

обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела» [25, с. 269].

Несомненным достижением уголовно-процессуального права по Уставам уголовного судопроизводства 1864 г. было провозглашение таких демократических принципов правосудия, как гласность, состязательность, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности. Хотя фактически эти принципы не могли соблюдаться полностью, но уже само закрепление их в правовых нормах явилось прогрессом по сравнению с прежними формами уголовного процесса.

Изменились законодательные и доктринальные подходы к оценке признания обвиняемым своей вины. Так, Н.А. Терновский отмечал, что по господствующему воззрению юристов той эпохи, оно не более чем «как улика, одно из судебных доказательств и, следовательно, ни в каком случае не составляет безусловного доказательства, не устраняет применения начала внутреннего судебного убеждения при оценке уголовных доказательств. Основание, по которому собственное признание может иметь значение доказательства, заключается в том, что никто не обязан показывать против себя. Самоизобличение противоречит естественному чувству самосохранения, которое в случае невиновности обвиняемого должно было бы побудить его не к признанию вины, а к отрицанию ее. Человеку противно обличать самого себя. Нельзя требовать от него, чтобы он ненавидел самого себя, чтобы он действовал так, как если бы он был своим врагом. Совесть подсказывает, что немислимо позорить себя признанием факта, который не совершался. В бесчестном деянии напрасно никто не сознается. Человеку противно также быть обличаемым другими и переносить наказание» [27, с. 126].

Нельзя не отметить позицию С.И. Викторского по вопросу о значении признания подсудимым своей вины, актуальность которой сохраняется и в наши дни. Уделив данной проблеме значительное внимание, ученый делает вывод: признание подсудимого «наравне с прочими доказательствами» подлежит оценке; ложные признания (если это не распознано) «могут оказать обществу двойное зло: невинный будет осужден, а ви-

новый навсегда останется безнаказанным» [3, с. 290].

Ученые-процессуалисты второй половины XIX в. отмечали, что до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. прежние законодательства придавали исключительное значение признанию вины подсудимым, называя его лучшим доказательством уголовного процесса, «царицей доказательств» (*regina probationum*). В силу этого остальные показания подсудимого суд мало интересовали. Возведение признания подсудимого на степень главенствующего доказательства основывали на том, что было бы неестественно, чтобы человек вопреки правде делал невыгодные для себя разоблачения; но, кроме того, придание собственному признанию подсудимого главенствующего значения объяснялось и историческими причинами [29, с. 267].

Русские ученые-процессуалисты уделяли большое внимание признанию обвиняемым своей вины. Так, Н.А. Терновский исследовал сущность этого института: «Когда обвиняемый действительно виновен, он или думает, что предусматривает уже сложившиеся против него подозрения, или прибегает к этому рискованному средству вследствие беспокойства, чтобы отклонить от себя эти подозрения. Он робко расспрашивает, чтобы узнать, что известно или что предполагают; он не решает-ся молчать в присутствии тех, которые свободно говорят о деле; он сам рассказывает о нем, чтобы придать себе вид уверенности, и к этой необходимой смеси лжи и правды он примешивает в своем рассказе такие обстоятельства, которые могли быть известны только ему и которые бывают ловушкой, на которую он и попадается» [27, с. 122].

Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. сознанию обвиняемого придавалось значение только в случае, если оно дано непринужденно и добровольно. В соответствии со ст. 405, 406, 685 Устава уголовного судопроизводства следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства.

В комментариях уголовно-процессуального законодательства того времени акцентировалось внимание на том, что признание обвиняемым своей вины является одним из до-

казательств, которое не имеет какой-либо преимущественной силы в сравнении с другими доказательствами. Они могут оцениваться лишь в связи с другими доказательствами и подлежат строгой проверке. Особо отмечалось, что это правило одинаково относится как к общим объяснениям обвиняемого, так и к оговору им других лиц как соучастников преступного деяния и, наконец, к сознанию им своей вины. В Уставе уголовного судопроизводства (ст. 766) предусматривались условия относимости и допустимости признания обвиняемым своей вины как доказательства. В частности, устанавливалось, что признание подсудимого признается доказательством: «1) когда оно учинено добровольно; 2) когда оно учинено в судебном месте перед судьей; 3) когда оно совершено сходно с происшедшим действием; 4) когда показаны при том такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине онаго сомневаться невозможно» [25, с. 269].

Несмотря на то что русские ученые-процессуалисты рассматривали признание обвиняемым своей вины как рядовое доказательство, все же в комментариях законодательства того времени отмечалась рациональность получения признания обвиняемым своей вины. «Лучшее и самое простое средство к ускорению производства есть предложение самому обвиняемому вопроса: признает ли он себя виновным в приписываемых ему действиях? При сознании его в самом начале дела время значительно берегается» [там же, с. 269]. Как отмечал профессор С.В. Познышев, «в инквизиционном процессе сознание подсудимого считалось “царицей доказательств” (*regina probationum*). В современном процессе сознание подсудимого этого значения не имеет. Но если оно и возбуждает сомнение, то может иметь следующее значение: суд, не проводя дальнейшие исследования, может перейти к прениям сторон. Но такое процессуальное значение могло иметь лишь признание подсудимым своей вины на суде, лишь судебное признание; признание, записанное следователем на предварительном следствии, не имеет процессуального значения и не должно быть принимаемо судом как доказательство...» [15, с. 187].

Л.Е. Владимировым справедливо отмечено: «Это великое начало, представляющее полный разрыв со всеми инквизиционными догадками о вине подсудимого по его молчанию или волнению... составляет драгоценнейшую жемчужину нашего законодательства. Инквизиционный процесс, залезавший в душу человека и старавшийся добыть сознание – прямое или молчаливое, исходил от нелепой мысли, что невиновный человек обыкновенно очень спокоен, не волнуется и твердо опровергает обстоятельства, против него приводимые... Но кто в настоящее время поставит в улику подсудимому то, что он волнуется, краснеет, бледнеет или дрожит? Кто же, в самом деле, не знает, что человек, на которого наложена тяжелая длань следователя, уже не может себя считать огражденным ни от каких случайностей, ни от каких заблуждений властей и ни от каких ударов судьбы» (см.: [4, с. 335–336]).

Данный взгляд Л.Е. Владимирова на ценность признания обвиняемым своей вины разделялся его современниками. «И теория, и практика процесса имеют все основания относиться к этим видам доказательств с особенным недоверием, так как психические мотивы действий обвиняемого остаются для суда неясными, и эта неясность может привести суд к заблуждению» [17, с. 404]. Примечательно, что для проверки признания вины подсудимым суд мог воспользоваться и различного рода письменными документами: записками, дневниками подсудимого.

В теории уголовного судопроизводства того времени рассматривались и вопросы, связанные с отказом обвиняемого от ранее сделанного признания. Однако говоря об отказе от сделанного признания, В. Случевский отмечал, что «...отказ от учиненного сознания, существование его не уничтожает значения прежнего сознания с неизбежностью и не делает прежнего сознания несуществующим. Необходимо только в этих случаях выяснить, голословен ли отказ от сознания, существуют ли причины, объясняющие появление его, и возбуждаются ли вообще им сомнения истинности прежде учиненного сознания» [21, с. 396].

П. Блюнелли также отмечал, что «...отказ обвиняемого отвечать на вопросы есть простое пользование своим правом со стороны подсудимого, и придавать ему значение

улики, конечно, нельзя. Тем более что это право обвиняемого представляется обоюдоострым, так как, отказываясь отвечать, он оставляет не опровергнутыми собранные против него улики, что вредит самому же обвиняемому. Предвидя даже полный отказ обвиняемого давать показания, законодатель и этому обстоятельству не придает значение улики. Это простое осуществление своего права, и в этом случае следователь обращается к другим средствам открытия истины» [2, с. 105].

После ряда различных изменений и дополнений Устав уголовного судопроизводства России действовал до октября 1917 года.

25 мая 1922 г. был принят УПК РСФСР, который воспринял многие положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В доказательственном праве был закреплен принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. УПК РСФСР 1922 г. определил виды доказательств и решил другие вопросы доказывания по уголовным делам.

По УПК РСФСР 1923 г. были конкретизированы условия получения показаний обвиняемого, в которых он признает свою вину. Так, в ст. 136 УПК РСФСР было прямо указано, что «следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз или других подобных мер».

Правоприменительная практика советского периода развития отечественного уголовного процесса была несвободна от необходимости разрешения вопросов, связанных с оценкой признания обвиняемым своей вины как доказательства. Так, судебная практика 40-х гг. сохранила свидетельство того, что признание подсудимым своей вины рассматривалось не только как доказательство, но и как условие для сокращенного судебного разбирательства. К примеру, Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 3 февраля 1944 г. по делу Аначко отметил: «То, что закон не считает признание подсудимого бесспорным доказательством виновности, совершенно ясно вытекает из содержания ст. 282 УПК РСФСР, которая указывает, что в случае согласия подсудимого с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, суд может не производить дальнейшего судебного след-

ствия и перейти к выслушиванию прений сторон, но отнюдь не к вынесению приговора и притом обвинительного» (см.: [19, с. 57–58]). Комментируя данное постановление, видный советский ученый-процессуалист М.С. Строгович писал: «...правильно указано на то, что сознание обвиняемого не является бесспорным доказательством его виновности, но ст. 282 УПК истолкована все же не в соответствии с ее текстом и смыслом: эта статья не подтверждает правильного положения о сознании как о рядовом доказательстве, подлежащем проверке при помощи других доказательств, а противоречит этому положению. В статье 282 УПК РСФСР говорится о том, что в случае согласия подсудимого с изложенными в обвинительном заключении обстоятельствами и дачи им соответствующих показаний суд может не производить дальнейшего судебного следствия, но вовсе не обязан это делать. Следует признать, что даже в ограничительном толковании ст. 282 она не может быть признана соответствующей задачам обеспечения правильного разрешения уголовного дела» [24, с. 423].

УПК РСФСР 1960 г., принятый на базе Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., установил, что правосудие по уголовным делам производится только судом, и ввел единый и обязательный по всем уголовным делам и для всех судов порядок судопроизводства. Кодекс, сохранив существовавшие ранее принципы доказательственного права, более детально регламентировал предмет и процесс доказывания, ввел понятие доказательства, установил виды доказательств.

Новое законодательство (УПК РСФСР 1960 г.) установило важное положение доказательственного права: признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ч. 2 ст. 77 УПК). Законодательное закрепление данного положения – заслуга выдающегося советского ученого М.С. Строговича. Бесспорно, эта новелла оказала позитивное влияние на положение личности в уголовном процессе, стала преградой на пути процветающего субъективизма и беззакония (см.: [26, с. 31–37]).

Начало 90-х гг. ознаменовалось огромными переменами в политической жизни России, и, естественно, это привело к кардинальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности государства.

В сфере уголовного судопроизводства приоритетное значение приобретает охрана прав и свобод человека и гражданина, определенная как магистральное направление преобразования законодательства по Концепции судебной реформы 1991 года. На теоретическом уровне данное приоритетное направление распространилось на вопросы доказательственного права, в том числе и оценку признания обвиняемым своей вины.

«Давно пора отказаться от дремучего заблуждения, от ошибочного стереотипа, будто признание обвиняемым своей вины заслуживает большего доверия, чем показания, в которых он оспаривает правильность обвинения. При этом исходят из того, что нормальный человек не будет возводить на себя напраслину, чтобы потом терпеть страдания, отбывая уголовное наказание» [10, с. 74]. Очевидна преемственность суждения А.М. Ларина с приведенными выше высказываниями русских ученых-процессуалистов. От переоценки признания обвиняемым своей вины в свое время предостерегал С.И. Викторский, отмечая, что переоценка следователями, судьями значения признания обвиняемым (подсудимым) своей вины ведет к грубейшим нарушениям прав личности в уголовном процессе, препятствуя следователю не допустить необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, а суду – постановить законный и обоснованный приговор [3, с. 290].

В современном уголовно-процессуальном законе, конечно, признание обвиняемого не рассматривается как «царица доказательств», поскольку в состязательном процессе ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Однако данное утверждение не означает, что таковое признание и вовсе лишено определенного значения, поскольку в случаях, предусмотренных законом, оно освобождает сторону обвинения от доказывания в суде и делает возможным проведение судебного разбирательства в особом, сокращенном порядке.

Проследив законодательную историю определения в качестве уголовно-процессуального доказательства признания обвиняемого на различных этапах развития российского уголовного процесса, можно сделать следующие выводы:

1. В IX–XV вв. признание обвиняемого имело исключительно высокое значение, а к отрицанию вины относились с недоверием и подозрительностью, так как считалось естественным желанием обвиняемого не «возводить на себя напраслину». Данное значение признания было предусмотрено в Русской правде, Псковской судной грамоте и Новгородской судной грамоте.

2. В XV–XVIII вв. собственное признание рассматривалось как «лучшее свидетельство всего света». Указанный период развития отечественного уголовного судопроизводства характеризуется возрастающей тенденцией к получению признания с помощью пытки, свойственной розыскной форме процесса. Яркие примеры тому содержатся в таких известных памятниках права, как Судебник 1497 г. (в частности, в ст. 37, которая предписывала: «пытати татя бесхитрости»), Судебник 1550 г. и Соборное уложение 1649 года.

3. Первая половина XIX в. ознаменовалась окончательным закреплением формальной теории доказательств, где каждому виду доказательства была определена заранее установленная сила. Признание обвиняемым своей вины по-прежнему сохраняло значение совершенного (решающего) доказательства, хотя в царствование Александра I (1801 г.) пытка, как средство получения признания обвиняемым своей вины, была официально отменена.

4. Судебные уставы 1864 г. ввели начала состязательности в уголовное судопроизводство, что означало отказ от системы формальных доказательств. Признание обвиняемым своей вины на законодательном уровне утратило значение абсолютного и совершенного доказательства.

5. Во все указанные периоды исторического развития отечественного уголовного судопроизводства, начиная с XV и кончая XIX в., определялись требования относимости к существу дела показаний обвиняемого и требования, определяющие их достоверность.

6. С 1917 г. и до конца 50-х гг. XX столетия в советский период истории страны признание обвиняемым своей вины вновь приобретает решающее значение. Придание признанию обвиняемого значения определяющего доказательства, обуславливающего порядок производства и исход разрешения уголовного дела, характеризовало следственную и судебную практику 20–30-х гг. XX в. и по сути означало возврат к инквизиционным началам доказывания.

Лишь во второй половине XX столетия с принятием УПК РСФСР признание обвиняемым своей вины начинает приближаться к современной трактовке и расценивается в теории как рядовое доказательство.

В начале XXI столетия, в результате очередных реформ в сфере уголовно-процессуального законодательства, а вернее как итог данных реформ, в свет вышел новый УПК РФ, который принципиально изменил модель уголовного процесса и ввел целый ряд новелл, которые имеют своей целью обеспечить объективно назревшие потребности общества в демократических преобразованиях. Особенно повышенный интерес ученых вызывает идея дифференциации уголовного процесса и правовая природа особого порядка судебного разбирательства, досудебного соглашения о сотрудничестве, медиации в уголовном процессе, центром которых и является институт признания обвиняемым своей вины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – М. : ЛексЭст, 2001. – 240 с.
2. Блонелли, П. Сознание подсудимого по действующему уставу и по проекту новой редакции Устава уголовного Судопроизводства / П. Блонелли // Вестник права. – 1902. – № 3. – С. 48–51.
3. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие. – Репринт изд. 1912 г. – М. : Юрид. бюро, 1997. – 448 с.
4. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.
5. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 466 с.
6. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : Правоведение, 1908. – 455 с.
7. История суда и уголовного процесса: схемы, таблицы, документы. – М. : Прогресс, 2002. – 100 с.
8. Куницын, А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России / А. Куницын. – М. : Тип. второго отд-ния собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. – 161 с.
9. Ланге, Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков) / Н. Ланге. – СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1884. – 253 с.
10. Ларин, А. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / А. М. Ларин, Э. Б. Мельникова, В. М. Савицкий ; под ред. В. М. Савицкого. – М. : БЕК, 1997. – 314 с.
11. Линовский, В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – М. : ЛексЭст, 2001. – 411 с.
12. Муравьев, Н. В. Уголовное судоустройство и судопроизводство / Н. В. Муравьев // Русский Вестник. – 1875. – № 10. – С. 818–823.
13. Памятники русского права / под ред. проф. Л. В. Черепнина. – М. : Госюриздат, 1963. – Вып. 7. – 527 с.
14. Петрухин, И. Роль признания обвиняемого в уголовном процессе / И. Петрухин // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 24–26.
15. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М. : Изд-во Г. А. Леман, 1913. – 337 с.
16. Пушкин, А. С. Капитанская дочь / А. С. Пушкин. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1984. – 320 с.
17. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб. : Право, 1914. – 548 с.
18. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М. : Юрид. лит., 1986. – Т. 4. – 512 с.
19. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1944 год – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1948. – 352 с.
20. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы Уголовные. В 16 т. Т. 15. – СПб. : Тип. второго отд-ния собств. е. и. вел. канцелярии, 1842. – 812 с.
21. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство / В. Случевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 684 с.
22. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб. : Наука, 2000. – 224 с.
23. Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М. : Юрид. лит., 2001. – 180 с.

24. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.

25. Судебные уставы (20 ноября 1864 г.) с изложением рассуждений, на коих они основаны. – 2-е изд., доп. – СПб. : Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. Канцелярии, 1867. – Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. – 555 с.

26. Темужкин, О. П. Творец судебной реформы / О. П. Темужкин // Жизнь в науке. Юридические записки ВГУ. – Вып. 2. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – С. 31–37.

27. Терновский, Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли их речей Председательствующего по уголовным делам / Н. А. Терновский. – М. : Зеркало, 2003. – 224 с.

28. Филиппов, М. Взгляд на русское судопроизводство и судопроизводство / М. Филиппов // Современник. – 1859. – № 4. – Т. 74. – С. 257–258.

29. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – 606 с.

30. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1995. – 670 с.

31. Чернявская, Т. А. Русская правда (с комментариями) / Т. А. Чернявская. – Н. Новгород : Изд-во ВШ МВД РФ, 1998. – 56 с.

32. Юшков, С. В. История государства и права СССР : в 2 ч. / С. В. Юшков. – М. : Госюриздат, 1950. – Ч. 1. – 672 с.

HISTORICAL ANALYSIS OF LEGAL INSTITUTE OF FAULT RECOGNITION IN DOMESTIC CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

N.A. Solovyeva

The article deals with the historical analysis of legal institute of fault recognition in domestic criminal legal proceedings. The author considers the Criminal Law Code in terms of defining the notion of fault recognition as a kind of proofs, and as a condition of decision making.

Key words: *fault recognition, competitive process, searching form of process, evidence, rejection of fault recognition, formal proofs.*